ВЕСТНИК

2
2014

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2014

УДК 800
ISSN 1992-6375

2.2014

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007 от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgopu.ru
Подписной индекс **36733** в основном каталоге Роспечати

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.А. Шолохова

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия
Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор,*
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора,*
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь,*
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgopu.ru

© Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014.

Содержание №2 I 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Касперова Л.Т.
Лексико-семантический анализ ключевых слов «слепой» и «музыкант» в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант» 5

Смирнова Н.В.
Механизмы расщепленной референции (на материале рассказов В. Набокова) 9

Сорокина Г.А.
Буддийские коннотации в романе В. Набокова «Лаура и ее оригинал» 16

ЛИНГВИСТИКА

Барышева С.Ф.
Фоностилистический потенциал сегментных звуковых средств. 23

Веремьева К.М.
Топонимы как один из видов пространственных индикаторов в английском языке 30

Ерофеева Е.А.
Парадигматические и синтагматические возможности непроцессуальных признаковых фразеологических единиц 35

Кузнецова А.Н.
Этимологический аспект лингвокультурологического анализа фразеологических единиц. 42

Кузьмина М.А.
Роль обращения в реализации функциональной смысловой зависимости 48

Ландер Ю.А.
Опыт типологии дистантной релятивизации 55

Себрюк А.Н.
Особенности неофициальных имен собственных в афроамериканском этносе. 78

5. Кошевая И.Г. Функциональная смысловая зависимость как универсальная основа построения художественного произведения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 30–33.
6. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 80–86.
7. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 63–66.
8. Pinter H. The Birthday Party // The Birthday Party and The Room. Two plays by Harold Pinter. NY., 1961.
9. Shaw G.B. Pygmalion. Caesar and Cleopatra. СПб., 2008.
10. Sheridan R.B. The Rivals and the School for Scandal. Boston and NY, 1891.
11. Wilde O. The Importance of Being Earnest and Other Plays. Oxford, 2008.

Ю.А. Ландер

Опыт типологии дистантной релятивизации[1]

В работе рассматриваются относительные конструкции, в которых мишень релятивизации располагается в сентенциальном актанте полипредикативной конструкции, и предлагается типология подобных конструкций, основанная на изменении/сохранении морфосинтаксиса вложенной и матричной клауз и на изменении/сохранении отношений между клаузами в задействованной полипредикации.

Ключевые слова: полипредикативные конструкции, относительные конструкции, дистантная релятивизация.

Релятивизация – построение относительных конструкций – обычно представляется как операция, которая устанавливает соответствие между некоторой ролью в зависимом предложении, именуемой мишенью, и

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров») и в значительной степени основано на одной из частей диссертационной работы [3], хотя и отличается от нее в некоторых интерпретациях. Автор признателен рецензенту статьи за замечания и исправления; в то же время вся ответственность за ошибки лежит исключительно на авторе. Используемый материал частично собирался в рамках проектов, поддержанных РФФИ (проект № 11-06-00481а «Корпусное исследование морфосинтаксиса удинского языка»), РГНФ (проект № 06-04-00194а «Синтаксис полисинтетического языка») и ФФЛИ (проект № А-23 «Полевое исследование диалектов адыгских языков»).

одной из ролей в матричном (главном по отношению к зависимому) предложении [13; 27; 33][1]. Так, в примере 1 устанавливается соответствие между подлежащим относительного предложения и прямым дополнением матричного предложения:

(1) *Приведи собаку, которая меня укусила*.

В русском языке мишень релятивизации может эксплицитно выражаться относительным местоимением. В языках мира в маркировании мишени могут участвовать также резумптивные местоимения (местоимения, у которых не специфицирована релятивная функция), показатели, специально маркирующие группу как группу мишени, особый порядок слов, причастные формы сказуемого и «пробел» (гэп) – отсутствие группы мишени там, где она ожидается. Кроме того, иногда релевантная роль в относительном предложении вычленяется без использования морфосинтаксических средств, так что релятивизация оказывается семантически ориентированной: например, в примере 2 релятивизуемая роль выводится из лексической семантики вершины. Впрочем, противопоставление семантически ориентированной релятивизации конструкциям, в которых роль выводится на основании морфосинтаксической информации, по-видимому, не является четким [1].

(2) УДИНСКИЙ ЯЗЫК (НАХСКО-ДАГЕСТАНСКАЯ СЕМЬЯ)[2]

amdar-χo	k:oj-a	qaj-bak-ala	č:at:-ast:a
человек-PL	дом-DAT	возвращаться-LV-FUT2(PTCP)	период-AD

‘во время, когда люди возвращались домой’

[1] Такое представление отвечает прототипу релятивизации, но встречаются относительные конструкции, которые ему не удовлетворяют. Так, например, иногда в матричной или подчиненной предикациях задействуются не одна роль, а несколько [2; 3, с. 327–332, 417–426; 13, p. 66–68]. Устанавливаемое соответствие нередко описывается как кореферентность, но в отдельных случаях (например, при квантификации матричной именной группы, как в *каждый человек, который идет в зоопарк*) оно к кореферентности не сводимо.

[2] Унификация примеров в работе проведена лишь частично, в рамках одного языка. Соответственно, во многих случаях мы ориентируемся на трактовку данных авторами описаний и не даем собственную интерпретацию даже там, где она, на наш взгляд, выглядит естественно с учетом данных других языков. Сокращения в морфологических глоссах: A – агенс; ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ACC – аккузатив; ACT – активный залог; AD – адэссив; ADV – адвербиалис; AOR – аорист; APPL – аппликатив; ART – артикль; ATT – атрибутивный показатель; AUX – вспомогательный глагол; BV – бенефактивный залог; CAUS – каузатив; CMP – комплетив; CNJ – субъюнктив; COM – комитатив; COMP – показатель клаузального подчинения; DAT – датив; DEF – определенность; DEM – указательное местоимение; DIR – директив; DU – двойственное число; DYN – динамичность; ERG – эргатив; FUT – будущее время; FUT2 – второе будущее время; GEN – генитив; ICMP – инкомплетив; IMP – императив; IMPERS – имперсонал; INCL – инклюзив; INF – инфинитив; IO – непрямой объект; IPFV – имперфектив; IRR – ирреалис; IV – инструментальный залог; LNK – линкер; LOC – локативный преверб; LV – служебный глагол (составная часть сложного предиката); MOD – модальное будущее; MSD – масдар; NEG – отрицание; NFUT – небудущее; NMZ – номинализация; NOM – номинатив; O – объект; OBL – показатель косвенно-

Как в типологической, так и во внутриязыковой перспективах разные синтаксические позиции в разной степени подвержены релятивизации [27; 28]. Наиболее релятивизуемы ядерные актанты, в то время как глубоко вложенные позиции (например, посессор, объект сравнения и т.д.) выступают как мишени значительно реже. Тем не менее, если само относительное предложение является сложноподчиненным, мишень не обязана располагаться в наименее вложенной из его предикаций. В примере 3 релятивизуемая роль относится к инфинитивному сентенциальному актанту глагола *быть* (здесь с отрицанием в значении ‘нельзя’). В таких случаях мы будем говорить о релятивизации из вложенной предикации[1], или дистантной релятивизации (ср. английский термин long-distance relativization).

(3) УДИНСКИЙ ЯЗЫК (НАХСКО-ДАГЕСТАНСКАЯ СЕМЬЯ)

aˤχiˤl-aˤχun	i-bak-es	nu=bak-ala	sa	säs-en	
далеко-ABL	слышать-LV-INF	NEG=быть-FUT2(PTCP)	один	звук-ERG	
me	äjit-moʁ-o=ne	p-i			
PROX	слово-PL-DAT=3SG	говорить-AOR			

‘Голосом, который нельзя услышать издалека, она сказала такие слова...’

Дистантная релятивизация связана со сложностями в построении и восприятии [20; 21]. Кроме того, вложенные клаузы не однородны в том, что касается способности их партиципантов выступать в качестве мишени: отдельные предикации, в первую очередь, фактивные сентенциальные актанты, относительные предложения, косвенные вопросы, чаще предстают как синтаксические острова (составляющие, части которых недоступны для релятивизации), чем другие. В этой работе, однако, нас будут интересовать не столько ограничения на относительные конструкции с мишенью во вложенной клаузе, сколько классификация и типология допустимых конструкций дистантной релятивизации.

Мы будем опираться на небольшое количество языков и ограничимся обсуждением исключительно релятивизации из сентенциальных актантов. Это объясняется тем, что литература не часто касается дистантной

го отношения; P – предлог; PART – партитив; PASS – пассивный залог; PFV – перфектив; PL – множественное число; POSS – посессив; PR – посессор; PRET – претерит; PROG – прогрессив; PROX – близкий демонстратив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PTCL – частица; PTCP – причастие / причастная функция; RE – рефактив; REAL – реалис; REL – показатель релятивизации; RFL – рефлексив; RFUT – относительное будущее время; S – субъект; SG – единственное число; TR – переходность; VENT – вентив; WH – «wh-согласование». Числа указывают на лицо. Знак «=» в адыгских языках маркирует границы лексических частей глагольного и именного комплексов, в прочих языках – примыкание клитик.

[1] Под вложенной предикацией далее имеется в виду клауза, вложенная в относительное предложение. Верхней предикацией, в свою очередь, ниже называется главная клауза полипредикации, образующей относительное предложение.

релятивизации, а имеющиеся описания, как правило, не затрагивают конструкции с вложенными обстоятельственными предикациями.

Параметры варьирования

Нас будут интересовать три параметра, по которым варьируют свойства относительной конструкции при релятивизации из сентенциального актанта.

Наложение на морфосинтаксис вложенной предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизуемой роли во вложенной предикации). О наличии таких ограничений свидетельствуют, например, особые правила, касающиеся глагольных форм, а также использование во вложенной клаузе многих средств определения мишени, перечисленных в начале статьи. Сложности в трактовке возникают в отношении конструкций с резумптивными местоимениями (ср. пример 4, в котором функцию резумптива выполняет объектный суффикс при глаголе ‘посылать’) и пробелами (пример 5, в котором в сентенциальном актанте не выражено подлежащее). В принципе, появление местоимений и опущение именных групп мишени может трактоваться не как признак относительной конструкции, но как результат работы дискурсивных правил, непосредственно не связанных с релятивизацией. С учетом этого далее собственно резумптивные местоимения и опущение именных групп при отсутствии других ассоциируемых с вложенной клаузой способов определения мишени не интерпретируются как наложение морфосинтаксических ограничений, хотя не исключено, что для разных языков этот вопрос должен решаться по-разному[1].

(4) ТОКАБАКИТА (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

teqe	si	doo	ku	ala-ngani-a		sa	kwai
один	PART	вещь	1SG.NFUT	обещать-TR-3.O		IRR	1SG.FUT
fale-a		kau					
послать-3SG.O		VENT					

‘нечто, что я обещал, что пошлю тебе’ [35, p. 1099]

(5) ИНДОНЕЗИЙСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)

orang	yang	Bill	harap	___	akan	mem-beli	baju
человек	REL	Билл	надеяться		FUT	АСТ-купить	одежда
untuk-nya							
для-3SG							

‘человек, такой что Билл надеется, что он купит себе одежду’ [11, p. 69]

[1] В зависимости от языка использование резумптивных местоимений в относительных конструкциях может быть грамматикализовано в разной степени, что должно влиять и на их теоретическую интерпретацию.

Наложение на морфосинтаксис верхней предикации ограничений, связанных с ролью мишени. В ряде языков, обсуждаемых в следующем разделе, релятивизация актанта вложенной клаузы сопровождается изменениями формы верхней предикации. Ср. пример из бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка, где в верхней клаузе появляется специальный релятивный префикс – признак относительной конструкции[1]:

(6) БЕСЛЕНЕЕВСКИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
fəz-wə sə-z-de-ʔapəqʷə-n-wə
женщина-ADV 1SG.ABS-REL.IO-COM-помогать-MOD-ADV
sə-z-xʷə.je=ze.pə.tə-r
1SG.ABS-REL.IO-хотеть=постоянно-ABS
‘женщина, которой я всегда хочу помочь’

Изменение синтаксических отношений между вложенной и верхней предикациями. При дистантной релятивизации относительное предложение – по определению полипредикативная конструкция. Соответственно, вариативность может быть связана с тем, меняются ли свойства полипредикации, когда она «вставляется» в относительную конструкцию.

Существует немало языков, которые используют относительные или резумптивные местоимения и не меняют отношения между верхней и вложенной предикациями. Таковы, в частности, дистантные конструкции с относительными местоимениями в английском и русском языках (ср. пример 7 и его перевод), а также конструкция с резумптивами в языке були (пример 8). Естественно, использование обычных стратегий не исключает особенностей при выражении дистантной релятивизации: так, в були во вложенной клаузе обязательны резумптивные местоимения в подлежащной позиции, которые вне дистантной релятивизации отсутствуют.

(7) АНГЛИЙСКИЙ (ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
That is [*the girl who Nina thinks John kissed*].
‘Вот девушка, которую Нина думает, что Джон поцеловал’.
[39, p. 40]

(8) БУЛИ (НИГЕР-КОНГОЛЕЗСКАЯ СЕМЬЯ)
[nuru-waːy tì Àtìm wēːnī àyǐn *(wa) sʷà
мужчина-REL COMP Атим говорить что он иметь
náːmú lá] kpī yá
корова:DEF PTCL умирать CMP
‘Умер мужчина, такой что Атим сказал, что у него есть корова’.
[25, p. 60]

[1] В целом кабардино-черкесская система релятивизации более или менее аналогична адыгейской, описываемой в статье далее.

В некоторых языках изменений в отношении верхней и вложенной предикаций не происходит и в отсутствие относительного местоимения или резумптива; ср. японский пример 9, а также удинский пример 3. Впрочем, такие конструкции, по-видимому, нередко семантически ориентированы[1], так что грамматикализованность ограничений, связанных с синтаксической структурой, здесь снижается.

(9) ЯПОНСКИЙ (АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)

[kare	ga	kai-ta	koto]	ga	yoku	shir-are-te-iru
он	NOM	писать-PST	NMZ	NOM	хорошо	знать-PASS-PROG-AUX:PRS
bun						
статья						

‘статья, такая что то, что он ее написал, широко известно’ [31, p. 241]

Однако в ряде языков релятивизация партиципанта подчиненной клаузы требует особой полипредикативной конструкции. Судя по представленным в литературе данным, такая ситуация имеет место в первую очередь (но не исключительно; см. кельтский материал ниже) в отсутствие резумптивных и относительных местоимений.

Данные

Турецкий язык (тюркский, алтайская семья) [6; 18].

В турецком языке есть два основных причастия, которые возглавляют предшествующие относительные предложения: *объектное причастие* и *субъектное причастие*[2]. Относительные предложения предшествуют вершине.

Объектное причастие – в действительности номинализация, маркированная суффиксом *-DIK*, – используется прежде всего при релятивизации участников ситуации за исключением подлежащего. Подлежащее обычно (хотя и не всегда) оформлено как посессор: оно маркируется родительным падежом и индексируется в сказуемом релятива посессивными суффиксами. Ср.:

(10) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)

Receb-in	getir-diğ-i	haber
Реджеп-GEN	приносить-NMZ-3SG.PR	новость

‘новость, которую принес Реджеп’ [19, p. 75]

Субъектное причастие, оформленное суффиксом *-(y)An*, появляется преимущественно при релятивизации подлежащего (пример 11), но также и когда подлежащее отсутствует (в безличных конструкциях) или

[1] См., например, обсуждение японского материала в работе Y. Matsumoto [36] и удинского в статье Ю. Ландера и М. Даниэля [1].

[2] Помимо этих двух причастий, в причастной функции используются и другие формы, которые, тем не менее, могут выступать и как сказуемые независимых предложений [19, p. 38ff].

«инкорпорировано» (стоит не в генитивной форме, а в немаркированной [6, p. 25–26]; пример 12):

(11) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kabağ-ı yi-yen yılan
тыква-ACC есть-PTCP змея
‘змея, которая съела тыкву’ [Там же, p. 22]

(12) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
bacağ-ı-nı arı sok-an kız
нога-3SG.PR-ACC пчела жалить-PTCP девочка
‘девочка, чью ногу ужалили пчелы’ [Там же, p. 26]

Согласно мнению Chr. Barker, J. Hankamer, J. Moore [6], при дистантной релятивизации принципиальным фактором, влияющим на выбор причастия, оказывается роль вложенной клаузы в верхней предикации.

1. Если вложенная предикация – подлежащее или подлежащее в верхней предикации отсутствует, выбирается субъектное причастие – независимо от того, какой партиципант релятивизован во вложенной предикации; например, в примере 13 в качестве мишени выступает прямое дополнение субъектного сентенциального актанта, но появляется субъектное причастие:

(13) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kasab-ın kes-tiğ-i-ni söyle-diğ-iniz-e
мясник-GEN резать-NMZ-3SG.PR-ACC говорить-NMZ-2PL.PR-DAT
inan-ıl-an et
верить-PASS-PTCP мясо
‘мясо, такое что считается, что ты сказал, что мясник его порезал’ [Там же, p. 27]

2. В прочих случаях наблюдается номинализация на *-DIK*; так, в примере 14 относительное предложение возглавляет объектное причастие, при том что релятивизации здесь подвергнуто подлежащее сентенциального актанта – объекта верхней предикации[1].

(14) ТУРЕЦКИЙ (ТЮРКСКИЙ, АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ)
kitab-ı getir-eceğ-i-ni san-dığ-ım çocuk
книга-ACC приносить-FUT-3SG.PR-ACC верить-NMZ-1SG.PR ребенок
‘ребенок, такой что я верил, что он принесет книгу’ [Там же, p. 24]

[1] В работе Chr. Barker, J. Hankamer, J. Moore утверждается, что часть носителей допускают и использование объектных причастий – наряду с субъектными – при релятивизации из субъектного сентенциального актанта [6, p. 28]. В исследовании Z. Güngördü приводятся аргументы в пользу того, что правила выбора оформления релятива все же учитывают роль мишени во вложенной предикации, но основанием для этого служат элицитированные примеры на релятивизацию из вложенного относительного предложения [18]. Поскольку для других рассматриваемых здесь языков релятивизация из относительного предложения не обсуждается, мы считаем возможным проигнорировать это усложнение.

Итак, собственно структура полипредикативной конструкции при дистантной релятивизации в турецком языке не меняется, но на верхнюю предикацию накладываются некоторые ограничения, связанные с выбором причастия.

Тагальский язык (австронезийская семья) [16; 38].

Как было отмечено еще в классической статье E.L. Keenan, B. Comrie [28, p. 69–70] (см. также работу H.-C. Liao [34]), многие австронезийские языки разрешают релятивизацию крайне небольшого числа синтаксических позиций, зачастую (согласно описаниям) исключительно подлежащего. Правда, последнее ограничение не так обязательно, как это нередко представляется: иногда рассматриваемые языки допускают релятивизацию посессора подлежащего [32], а для тагальского языка сообщается о возможности релятивизации некоторых периферийных позиций – посессора, комитативного актанта и объекта сравнения [7]. Мишень в относительном предложении, как правило, отсутствует[1]:

(15) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
isda=ng i-b<in>igay nang=lalake sa=bata
рыба=LNK BV-<PFV>давать GEN=мужчина DAT=ребенок
‘рыба, которую мужчина дал ребенку’ [30, p. 23]

Сильные ограничения на релятивизуемые позиции не ведут к уменьшению семантических возможностей релятивизации, поскольку благодаря богатой залоговой системе подлежащим могут быть группы, описывающие самых разных участников ситуации, – их роль выводится из богатой глагольной залоговой аффиксации. Итак, если релятивизуется подлежащее, залоговые показатели указывают на релятивизуемую роль. Ср. пример 16, где мишень – реципиент, который, однако, имеет статус подлежащего благодаря форме дативного залога:

(16) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
ang=babae=ng b<in>igy-an nang=sundalo
NOM=женщина=LNK <PFV>давать-DV GEN=солдат
nang=pera
GEN=деньги
‘женщина, которой солдат отдал деньги’ [16, p. 190]

При дистантной релятивизации мишень обязана быть подлежащим вложенной клаузы. Помимо этого сама эта клауза должна быть подлежащим верхней предикации (при серии вложений предикаций каждая вложенная клауза, содержащая мишень, должна быть подлежащим верхней

[1] См., однако, статью E. Aldridge, в которой описаны периферийные тагальские конструкции с вложенной вершиной [5].

предикации). Ср. пример, в котором во вложенной предикации использован дативный залог, который определяет как подлежащее реципиента – мишень, а в верхней предикации – бенефактивный залог, делающий подлежащим вложенную предикацию:

(17) ТАГАЛЬСКИЙ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
ang=kalabaw na i-p<in>angako nang=guro na
NOM=буйвол LNK BV-<PFV>обещать GEN=учитель LNK
bi~bigy-an nang=lalaki nang=bulaklak
IPFV~давать-DV GEN=мужчина GEN=цветок
'буйвол, которому учитель обещал, что мужчина даст цветок' (букв.: 'буйвол, такой что было обещано учителем, что он будет одарен мужчиной цветком') [16, p. 191]

Аналогичные факты еще раньше сообщались Э. Кинэном [26] для малагасийского языка.

Как и в турецком, отношения между клаузами в относительном предложении здесь остаются неизменными, но морфосинтаксические ограничения накладываются уже не только на верхнюю предикацию, но и на вложенную.

Чаморро (австронезийская семья) [8–10].

В языке чаморро исходные австронезийские залоговые аффиксы в немаркированных контекстах исчезли, но остались в небольшом числе конструкций, в том числе при образовании специальных вопросов с выносом вопросительного слова и в релятивах [14], причем даже здесь они не всегда обязательны. В силу ограниченности в употреблении эти показатели неудобно описывать как залоговые. Там, где они появляются, они указывают на некую релевантную роль – в частности, ту, к которой относится вопросительное слово, или ту, которая релятивизована. Поскольку группа мишени в релятивах не выражается, в работах С. Чанг [8–10] в духе генеративной грамматики это трактуется как *wh-согласование* (wh-agreement), согласование со следом, оставшимся при передвижении мишени или вопросительного слова.

Например, в примере 18 в сказуемом релятива имеется инфикс *-um-*, который сообщает, что мишень релятивизации – агенс, а в примере 19 – инфикс *-in-*, который вместе с номинализацией указывает на релятивизацию дополнения. В терминах С. Чанг в первом из этих примеров наблюдается согласование со следом агенса, а во втором – со следом дополнения. При релятивизации дополнения (прямого или косвенного) «согласовательные показатели» иногда отсутствуют, но о релятивизации может свидетельствовать номинализация сказуемого.

(18) чаморро (австронезийская семья)
um-asudda' häm yan [i palao'an ni
REAL:SG/DU-встречаться мы с DEF женщина COMP
f<um>a'gasi i kareta]
мыть<WH.A> DEF машина
'Мы встретились с женщиной, которая вымыла машину' [8, p. 64]

(19) чаморро (австронезийская семья)
in-kannu' [i nengkanu' ni f<in>ahan-fia
1PL.A-есть DEF еда COMP покупать:NMZ<WH.O>-3SG.PR
si Maria gi tenda]
ART Мария OBL магазин
'Мы съели еду, которую Мария купила в магазине' [Там же]

При дистантной релятивизации наблюдается картина, похожая на тагальскую. «Согласовательные показатели» могут появляться во всех сказуемых полипредикации. Сказуемое клаузы, содержащей мишень, маркируется в соответствии с релятивизуемой ролью, а вышестоящие предикации – когда они содержат рассматриваемые маркеры – получают оформление, определяемое ролью вложенных клауз или предложений, содержащих мишень. Как показано в исследовании С. Чанг, появление «согласовательных» элементов в вышестоящих предикациях для релятивов коррелирует с тем, есть ли (или подразумевается ли) в конструкции семантическая вершина, референцию которой ограничивает относительное предложение [9; 10]. Если такая вершина имеется (пример 21) или подразумевается (С. Чанг полагает, что последнее имеет место в свободных релятивах, которые образуют определенные матричные именные группы; ср. пример 22), наличие специального маркирования даже менее предпочтительно, чем его отсутствие. Обязательно же оно, только если матричная группа является неопределенной и в ней отсутствует семантическая вершина (пример 20).

(20) чаморро (австронезийская семья)
guäha [malago'-ña si Juan pära
быть [хотеть:NMZ-3SG.PR ART Хуан FUT
asuddä'-ta]
встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR
'Есть кто-то, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились' [9, p. 24]

(21) чаморро (австронезийская семья)
guäha [kariñosu ni malägu' si Juan pära
быть приятный COMP хотеть ART Хуан FUT
asuddä'-ta]
встречаться:NMZ-1PL:INCL.PR

‘Есть некто приятный, с кем Хуан хочет, чтобы мы встретились’ [9, p. 23]

(22) Чаморро (австронезийская семья)
mäma’atungu’ si Rosa ni [malägu gui’ pära
приветливый ART Роза OBL хотеть он(а) FUT
atungo’-ña]
быть.знакомым:NMZ-3SG.PR
‘Роза приветлива с тем (конкретным человеком), с которым она хочет дружить’ [Там же, p. 22]

Итак, устройство дистантной релятивизации в чаморро аналогично тому, что мы наблюдали в тагальском языке, за исключением того, что морфосинтаксические ограничения в верхней предикации факультативны или, вернее, зависят от факторов, непосредственно с релятивизацией не связанных.

Палау (австронезийская семья).

Язык палау (белау) ареально близок чаморро, но генетически, по-видимому, принадлежит другой подгруппе малайско-полинезийской группы австронезийских языков. В отличие от чаморро, здесь при релятивизации используются как опущение мишени (на сказуемом релятива при релятивизации подлежащего исчезает субъектное согласование, в то время как при релятивизации дополнения объектное согласование сохраняется), так и резумптивные местоимения (при релятивизации косвенных групп, вводимых предлогом). Помимо прочего, релятивизация подлежащего противопоставлена релятивизации прочих партиципантов выражением категории реальности ситуации: сказуемые релятивов при мишени-подлежащем имеют морфологию реалиса (пример 23), при релятивизации прочих партиципантов – морфологию ирреалиса (пример 24).

(23) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
ak-medengel-ii [a ’ad el
1SG.S:REAL-REAL.знать-3SG.O ART человек COMP
mil’er-ar tia el buk]
REAL.покупать-3SG.O DEM LNK книга
‘Я знаю человека, который купил эту книгу’ [15, с. 88]

(24) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
ak-milsa [a mlai el
1SG.S:REAL-REAL.видеть ART каноэ COMP
l-dilse’ii tirk-ei el re-’ad]
3.S:IRR-выпилить-3SG.O DEM LNK PL-человек
‘Я увидел каноэ, которое сделали те люди’ [Там же]

Противопоставление реалисной и ирреалисной морфологии важно и при дистантной релятивизации. Во вложенной предикации, содержащей мишень, форма сказуемого выбирается исходя из релятивизуемой роли. В верхней клаузе маркирование сказуемого зависит от роли вложенной предикации, к которой относится мишень: если это подлежащее, выбирается реалисное оформление, а в других случаях – ирреалисное. В следующем примере сказуемое вложенной предикации имеет форму реалиса, поскольку релятивизовано его подлежащее, а сказуемое верхней предикации имеет форму ирреалиса, т.к. вложенная предикация, в которой находится мишень, не является ее подлежащим:

(25) ПАЛАУ (АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ)
ng-te'a [a l-ilsa a Miriam el milnguiu er
3SG-кто ART 3.S:IRR-видеть ART Мириам COMP REAL.читать P
a buk er ngii]
ART книга P он(а)
'Кто есть такой что Мириам видела, что он читал книгу?' [15, p. 91]

Палау интересен тем, что при наличии резумптивов он, как и тагальский и (отчасти) чаморро, демонстрирует ограничения как в верхней, так и во вложенной предикациях.

Томпсон (салишская семья) [29].

В томпсон различаются четыре относительных конструкции:

1) при релятивизации абсолютивного актанта и агенса переходного глагола с пациенсом 1-го или 2-го лица используется обычная индикативная форма глагола (пример 26);

2) при релятивизации агенса переходного глагола с пациенсом 3-го лица суффикс агенса заменяется особым суффиксом -(*e*)*mus* (27);

3) при релятивизации прочих нелокативных партиципантов глагол номинализуется (пример 28);

4) при релятивизации места происходит особое выдвижение вперед локативных предлогов; используется особая субъюнктивная конструкция (пример 29).

(26) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
qʷəz-t-es e szelt t ə kʷis
использовать-TR-3.ERG ART блюдо ATT ART падать
'Он(а) использовал(а) блюдо, которое упало' [29, p. 390]

(27) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
swet k maʔ'-st-mus
кто ART ломать-TR-REL.ERG
'Кто тот, кто сломал это?' [Там же, p. 391]

(28) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
cuɬ-x-cm-e ɬ seʔlís t ɬ
показывать-APPL-1SG.O-2SG.IMP ART нож ATT ART
s-nik’-n-xʷ
NMZ-резать-TR-2SG.ERG
‘Покажи мне нож, которым ты это разрезал’ [29, p. 393]

(29) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
ƛ’iʔ-mín-ne ɬ ntewmn tu ɬ ʔaz-ne
любить-APPL-1SG.ERG ART магазин из ART покупать-1SG.ERG
ws xəxʔe
CNJ этот
‘Мне нравится магазин, в котором (*букв.* из которого) я это купил’ [Там же, p. 396]

При дистантной релятивизации вложенная предикация присоединяется обычным образом, хотя в ней отсутствует именная группа мишени. Тип оформления верхней предикации, как правило, соответствует тому, что релятивизуется во вложенной. Ср. пример 30, где релятивизован локативный партиципант вложенной клаузы, причем, во-первых, верхняя предикация (но не вложенная) оформляется субъюнктивным показателем, а во-вторых, всей конструкции предшествует «выдвинутый» локативный предлог.

(30) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
pun-m-ne [n e cun-cm-xʷ us
находить-APPL-1SG.ERG в ART говорить-1SG.O-2SG.ERG CNJ
[k n-s-xʷuy’ miceʔq]]
ART 1SG.PR-NMZ-FUT сидеть
‘Я нашел то, где ты сказал мне находиться’ [Там же, p. 407]

Исключение представляет собой дистантная релятивизация агенса переходного глагола с пациенсом 3-го лица, при которой релятивный суффикс остается во вложенной предикации. В работе P.D. Kroeber это связывается с тем, что показатель агенса (и в частности, релятивный показатель) – неотъемлемая часть морфологии переходных глаголов [Там же, p. 408]. Представляем пример на дистантную релятивизацию с показателем -(*e*)*mus*[1]:

(31) ТОМПСОН (САЛИШСКАЯ СЕМЬЯ)
swet [k təteʔ [k s-kn-t-emus xeʔe]]
кто ART NEG ART NMZ-помогать-TR-REL.ERG DEM
‘Кто не помог (букв. был тем, кто не помог) ей/ему?’ [Там же, p. 408]

Итак, в томпсон отношения между частями полипредикации сохраняются и меняется лишь оформление верхней предикации, но, в отличие от

[1] Отрицание в языке томпсон выступает в качестве самостоятельного предиката, сентенциальным актантом которого оказывается отрицаемая предикация [12].

турецкого, оформление это в норме зависит от роли мишени, а не от роли вложенной предикации, которая включает мишень.

Адыгейский (абхазо-адыгская семья) [2].

Абхазо-адыгские языки, к которым, в частности, относится адыгейский, известны богатой системой морфологической индексации партиципантов в сказуемом, в послелогах и в именных вершинах. Ср. следующее предложение, в котором в имени проиндексирован посессор, а в глаголе – абсолютивный актант (здесь каузируемый), непрямое дополнение и эргативный актант (здесь каузатор):

(32) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
a-neg^{w}ə-me s-a-č̣’e-ŝ^{w}-ʁe-pλe-ž’
3PL.PR-лицо-OBL:PL 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-2PL.ERG-CAUS-смотреть-RE
‘Позвольте мне еще раз посмотреть на их лица’.

Эта система индексации задействуется и в относительных конструкциях. Будучи эргативными, абхазо-адыгские языки противопоставляют релятивизацию абсолютивного актанта релятивизации неабсолютивных партиципантов. В адыгейском, если в качестве мишени выступает абсолютив, индексация этого актанта в сказуемом отсутствует (как отсутствует она и в обычных предикациях с абсолютивным актантом 3-го лица); ср. пример 33. Если мишенью оказывается другой индексируемый партиципант, на месте индексирующего его личного префикса появляется релятивный префикс *zə-*; ср. пример 34, в котором релятивизован посессор.

(33) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
qə-tje-p-š’a-ʁe bzəλfəʁe-r
DIR-LOC-2SG.ERG-вести-PST женщина-ABS
‘женщина, которую ты вывел (на танец)’

(34) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
jəsλamjəj-ew z-jə-g^{w}əʁ^{w} qe-s-ŝə-ʁe-r
Ислами-ADV REL.PR-POSS-упоминание DIR-1SG.ERG-делать-PST-ABS
‘(танец) «Ислами», о котором я рассказывала (*букв.*: упоминание которого сделала’)

Эти же примеры показывают, что семантическая вершина может располагаться как после относительного предложения (пример 33), так и внутри него (с некоторыми оговорками [2; 3]). В последнем случае она оформлена так называемым адвербиальным суффиксом (пример 34).

Дистантная релятивизация в адыгейском языке обычно предполагает преобразование верхней предикации. Для многих (по-видимому, для большинства) носителей действует правило, согласно которому релятивизация партиципанта во вложенной клаузе должна сопровождать-

ся релятивизацией партиципанта в верхней предикации. В результате в относительной конструкции присутствуют по меньшей мере две мишени.

В простейшем случае в верхней предикации имеется роль, кореферентная релятивизуемому участнику в нижней предикации.

(35) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
zə-zə-wəʁʷejə-ž'ə-n zə-λeč'ə-re λerpqə-r
RFL.ABS-REL.ERG-собрать-RE-MSD REL.ERG-мочь-DYN нация-ABS
'нация, которая может собраться'

Иногда в верхней предикации происходит переосмысление индексирующих сентенциальный актант показателей (если таковые имеются) как кореферентных мишени. Соответственно, если вложенная предикация соответствует абсолютивному актанту в верхней предикации, следов релятивизации в последней не обнаруживается – поскольку сказуемое с релятивизацией абсолютива выглядит так же, как сказуемое с абсолютивным актантом 3-го лица, а сентенциальные актанты по определению 3-го лица (пример 36). Если вложенная предикация соответствует неабсолютивному актанту, на месте относящегося к ней личного префикса возникает релятивный показатель (пример 37).

(36) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
ɕəf-ew č'el-jə-tʷə z-jə-ʔ-ew we
человек-ADV парень-LNK-два REL.PR-POSS-быть-ADV ты
qe-r-ʔʷa-ʁe-r
DIR-2SG.ERG-говорить-PST-ABS
'человек, о котором ты сказал (*букв.:* которого ты сказал), что у него два сына'

(37) Адыгейский (абхазо-адыгская семья)
newəžə-m sə-zə-š'-je-ǯ'e-n-ew
после-OBL 1SG.ABS-REL.IO-LOC-DAT-учиться-MOD-ADV
sə-zə-fe.je=mjedjəcjəne=fakʷəl'tjetə-r
1SG.ABS-REL.IO-хотеть=медицина=факультет-ABS
'медицинский факультет, на котором (*букв.:* которого) я потом хотел учиться'

Наконец, если мишень уже выражена в верхней предикации, во вложенной предикации следы релятивизации могут отсутствовать, что естественно трактовать как связывание местоимения во вложенной клаузе мишенью сверху. В примере 38 мишень выражена в верхней предикации как бенефактивный непрямой объект, причем релятивный префикс на месте индекса в кореферентной роли во вложенной клаузе факультативен. В примере 39 в верхней клаузе релятивный префикс «замещает»

индекс, исходно соответствующий объекту желания – вложенной предикации.

(38) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
ҫəpe-x-ew s-ja-pλə-n-ew /
место-PL-ADV 1SG.ABS-3PL.IO+DAT-смотреть-MOD-ADV
sə-z-e-pλə-n-ew
1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-MOD-ADV
zə-z-fe-z-ʁe-hazərə-ʁe-r
RFL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.ERG-CAUS-готовый-PST-ABS
‘места, на которые (*букв.:* для которых) я собирался посмотреть’

(39) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
ҫəf-ew njewəš’ s-šə qə-Ø-fə-tje-we-n-ew /
человек-ADV завтра 1SG.PR-брат DIR-3SG.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV
qə-z-fə-tje-we-n-ew sə-zə-fa.je-r
DIR-REL.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS
‘человек, которому (*букв.:* которого) я хочу, чтобы позвонил мой брат’

Итак, в адыгейском языке дистантная релятивизация выражается и в верхней, и, факультативно, во вложенной предикациях[1]. В сравнении с языками, рассмотренными выше, обнаруживается, однако, что такая конструкция одновременно может переосмыслять отношения между вложенной и верхней предикациями. Действительно, когда ранее относившийся к сентенциальному актанту индекс относится к мишени релятивизации, вложенная предикация не выступает более как сентенциальный актант. Это возможно благодаря тому, что средства, используемые в адыгейском языке для маркирования сентенциальных актантов (например, «адвербиальный суффикс»), могут маркировать и сентенциальные сирконстанты.

Справедливости ради заметим, что некоторые носители адыгейского языка допускают и дистантную релятивизацию без мишени в верхней клаузе. Тогда наряду с предложением 39 признается возможным и предложение 40. Можно допустить, однако, что это позднее развитие.

(40) АДЫГЕЙСКИЙ (АБХАЗО-АДЫГСКАЯ СЕМЬЯ)
ҫəf-ew njewəš’ s-šə qə-z-fə-tje-we-n-ew
человек-ADV завтра 1SG.PR-брат DIR-REL.IO-BEN-LOC-бить-MOD-ADV
sə-Ø-fa.je-r
1SG.ABS-3SG.IO-хотеть-ABS
‘человек, которому (*букв.:* которого) я хочу, чтобы позвонил мой брат’

[1] Та же система, по-видимому, представлена и в других абхазо-адыгских языках [22–24].

Марикопа (хоканская семья) [17].

Как относительные могут рассматриваться несколько конструкций языка марикопа. Нас будет интересовать лишь их подкласс, в котором сказуемое относительного предложения проявляет признаки номинализованного. Семантическая вершина в этих конструкциях вложена в относительное предложение или находится на его левой периферии, падежные показатели присоединяются к сказуемому релятива, которое замыкает конструкцию.

Противопоставлены две стратегии релятивизации. Первая использует особый релятивный префикс и маркирует релятивизацию подлежащего (субъектная релятивизация); ср. пример 41. Во второй относительный префикс отсутствует и релятивизуются неподлежащные партиципанты[1] (несубъектная релятивизация) (пример 42).

(41) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
'iipaa ii k-uu'ish-ny-sh puy-k
человек да REL-говорить:NMZ-DEM-S умереть-REAL
'Человек, который сказал «да», умер'. [17, p. 256]

(42) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
kwnho mvar m-uuchash-sh nyikor-k
корзина мука 2-класть:NMZ-S старый-REAL
'Корзина, в которой ты держишь муку, старая'. [Там же, p. 262]

Для дистантной релятивизации и близких к ней конструкций формулируется правило, состоящее из двух частей:

1) сказуемое верхней предикации маркируется как субъектная релятивизация, если мишень (одновременно) является его подлежащим (пример 43), и как несубъектная релятивизация во всех других случаях;

2) появление релятивного маркера во вложенной клаузе, подлежащее которой выступает как мишень, факультативно; при этом она, по-видимому, не номинализуется.

В результате допустимы как релятивизация нескольких мишеней (пример 43) наподобие того, что наблюдается в адыгейском языке, так и маркирование релятивизации исключительно в верхней предикации, даже если релятивизованный партиципант – актант только вложенной предикации, как в примере 44. Отношения между вложенной и верхней клаузами, судя по всему, не меняются.

(43) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
'iipaa ny-k-wik-uum k-uu'ish-sh
мужчина 1-REL-помогать-ICMP REL-говорить:NMZ-S
'мужчина, который сказал, что собирался помочь мне' [Там же, p. 257]

[1] Точный список релятивизуемых партиципантов в работе Л. Гордона не дается [17].

(44) МАРИКОПА (ХОКАНСКАЯ СЕМЬЯ)
’iipaa vaa-ha i-m ’-uu’ish-sh
мужчина приходить-IRR говорить-*m*[1] 1-говорить:NMZ-S
‘Мужчина, такой что я хотел, чтоб он пришел’ [17, p. 264]

Кельтские языки (индоевропейская семья) [4].

Для выражения подчинения кельтские языки используют союзы, причем при релятивизации могут различаться союзы для относительных конструкций с резумптивными местоимениями и без таковых. Появление резумптивов в целом следует известным закономерностям: чем менее релятивизуема мишень, тем вероятнее появление резумптива. Но дистантность важна не всегда: наличие резумптива может определяться позицией в предикации и не зависеть от того, является ли эта предикация вложенной.

В шотландском языке резумптивные местоимения отсутствуют. При дистантной релятивизации не только верхняя предикация, но и вложенная предикация вводятся релятивным союзом:

(45) ШОТЛАНДСКИЙ (КЕЛЬТСКИЙ, ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
an duine a thuirt e a /
DEF:SG мужчина REL говорить:PST он REL
*gun bhuaileas e
*что ударять:RFUT он
‘человек, которого он сказал, что ударит’ [Там же, p. 9]

В ирландском языке выбор союза при дистантной релятивизации зависит от мишени. Здесь два относительных союза, которые условно обозначаются как *aL* (для конструкции без резумптива) и *aN* (для конструкции с резумптивом). Если мишень во вложенной предикации не выражается резумптивным местоимением, эта предикация вводится *aL* и так же вводится и предикация, стоящая выше (пример 46). Если мишень обозначена резумптивом, верхняя предикация вводится *aN*, но вложенная предикация оформляется как обычное сентенциальное зависимое (пример 47).

(46) ИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК (КЕЛЬТСКИЙ, ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)
an t-ainm a hinnseadh dúinn a bhí
DEF.SG имя *aL* рассказывать:PRET.IMPERS к:1PL *aL* быть
ar an áit
на DEF.SG место
‘имя, такое что нам было сказано, что оно было на месте’
[Там же, p. 9]

[1] Показатель *-m* в языке марикопа, на первый взгляд, маркирует переключение референции подлежащего, но в действительности имеет более сложное распределение, поэтому здесь не глоссируется [17, p. 115–131].

(47) ирландский язык (кельтский, индоевропейская семья)
fir ar shíl Aturnae an Stáit
человек:PL *aN* думать:PRET.3SG прокурор DEF.SG государство
go raibh siad díleas
что быть:PRET.3SG они лояльный
‘люди, такие что генеральный прокурор думал, что они лояльны’
[4, p. 10]

В литературном валлийском тоже противопоставлены два относительных союза: *a*, вводящий предложение без резумптивов, с релятивизацией подлежащего или прямого дополнения, и *y*, вводящий предложение с резумптивными местоимениями. Во вложенной клаузе резумптивные местоимения появляются независимо от позиции. При дистантной релятивизации используется только союз *y* – как при верхней предикации, так и при вложенной:

(48) валлийский язык (кельтский, индоевропейская семья)
y llyfr y dywedodd John y
DEF.SG книга REL говорить:PRET.3SG Джон REL
gwerthodd Mary ef
продавать:PRET.3SG Мэри он
‘книга, такая что Джон сказал, что Мэри ее продала’ [Там же, p. 10]

Германские языки (индоевропейская семья).

В германских языках мишень определяется с помощью пробела на месте релятивизуемой группы и/или относительных местоимений, которые, как правило, располагаются (иногда в составе более сложной группы) перед относительным предложением[1] (пример 49). В сложных конструкциях наблюдается и использование резумптивных местоимений (пример 50).

(49) английский (германский; индоевропейская семья)
the man (whom) I told you (that) I had met ___ at the conference
‘человек, о котором (*букв.:* которого) я сказал тебе, что я встретил (его) на конференции’

(50) английский (германский; индоевропейская семья)
There are always guests who I am curious about what ***they*** *are going to say*. (D. Cavett)
‘Всегда есть гости, о которых мне интересно, что они собираются сказать’. [37, p. 482]

Таким образом, в норме в германских языках при дистантной релятивизации ограничения наблюдаются лишь во вложенной клаузе (а при некоторых трактовках резумптивов и пробелов не наблюдаются вовсе), а

[1] Здесь мы не рассматриваем причастные конструкции, поскольку они не используются при дистантной релятивизации.

отношение между предикациями остается неизменным. Интересно, однако, что иногда в этих языках встречаются конструкции, напоминающие «экзотические» случаи, представленные выше. Речь идет о так называемом резумптивном пролепсисе, когда относительное местоимение формально относится к верхней клаузе, а во вложенной предикации обнаруживается кореферентное ему местоимение:

(51) НИДЕРЛАНДСКИЙ (ГЕРМАНСКИЙ; ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ)

de	man	van	wie	ik	denk	dat	hij	de
ART	человек	P	который	я	думать:PRS:1SG	что	он	ART
fiets	gestolen	heeft						
велосипед	красть:PTCP	AUX:PRS:3SG						

‘человек, о котором я думаю, что он украл велосипед’ [39]

Резумптивный пролепсис обычно не трактуется как дистантная релятивизация. В то же время функционально он, безусловно, сопоставим с представленными выше примерами из адыгейского языка и языка марикопа, в которых при дистантной релятивизации требуется выражение мишени в верхней клаузе. Основное отличие состоит в том, что резумптивный пролепсис не стоит трактовать как особую конструкцию с ограничением в верхней предикации. Если в адыгейском языке и в языке марикопа ограничения на морфосинтаксис верхней клаузы носят структурный характер, появляясь и там, где мишень в верхней предикации трудно обосновать семантически, в германских языках резумптивный пролепсис носит вспомогательный характер и задействует семантические, а не морфосинтаксические механизмы.

К типологии дистантной релятивизации

Таблица 1 отражает возможное исчисление типов конструкций с дистантной релятивизацией на основе выделенных нами трех параметров. Некоторые языки упомянуты в таблице несколько раз, поскольку в ней классифицируются не языки, а конструкции, в то время как в одном языке могут быть представлены несколько конструкций (например, в языке марикопа маркирование вложенной предикации как релятива факультативно, а значит, отношения между верхней и вложенной предикациями могут как меняться, так и не меняться). Названия языков, для которых соответствующая конструкция признается синхронно не основной, даны в скобках.

Обращает на себя внимание отсутствие в выборке языков типа D, который подразумевает изменение отношений между верхней и вложенной клаузами при появлении морфосинтаксических ограничений исключительно во вложенной предикации. В силу скромности выборки неясно, действительно ли такие конструкции не встречаются.

Таблица 1

Исчисление конструкций дистантной релятивизации

Тип	Изменение отношений между предикациями	Ограничения в верхней предикации	Ограничения во вложенной предикации	Языки
A	+	+	+	адыгейский
B	+	–	–	шотландский, ирландский, валлийский
C	+	+	–	(адыгейский)
D	+	–	+	
E	–	+	–	томпсон, марикопа, турецкий, адыгейский
F	–	–	+	германские, чаморро, (адыгейский)
G	–	+	+	тагальский, палау, (чаморро), адыгейский, марикопа
H	–	–	–	ирландский

Типология, представленная в таблице, носит исчислительный характер и может показаться более формальной, нежели содержательной. В то же время думается, что на основании ее можно предложить вполне содержательные гипотезы.

Так, мы предполагаем, что структурно связанные конструкции, т.е. конструкции, которые задействуют одни и те же средства определения мишени, в одном языке в норме образуют цепочки, в которых для каждого элемента есть элемент, отличающийся от него на значение только одного из обсуждавшихся параметров. Правда, в отношении некоторых языков это не так очевидно. Например, в адыгейском исчезновение требования релятивизации актанта в верхней клаузе (как в примере 40) может приводить и к отказу от изменения отношения между предикациями, т.е. затрагиваются одновременно два признака (у нас нет уверенности, что появление конструкций без релятивизации в верхней клаузе как-либо связано с исходным наличием конструкций с сохранением межклаузальных отношений).

Еще одна гипотеза состоит в том, что типы дистантной релятивизации иногда обусловлены другими типологическими характеристиками языка.

Так, ограничения в верхней предикации частотны у языков со слабым противопоставлением имени и глагола (салишские, адыгские, тагальский, палау) или родственных им языков (чаморро). В связи с этим можно предположить, что эти ограничения мотивированы особой синтаксической структурой, диахронически или синхронно свойственной таким языкам.

Проверка подобных гипотез требует привлечения большего материала, чем тот, что представлен здесь. С учетом этого предложенная типология представляется в большей степени как возможная точка отсчета для будущих исследований.

Библиографический список

1. Даниэль М.А., Ландер Ю.А. Неравноправие ролей в относительных конструкциях: материалы по частотности релятивизации в арчинском и удинском языках // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 15. Махачкала, 2013. С. 59–78.
2. Ландер Ю.А. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Под ред. Я.Г. Тестельца. М., 2009. С. 612–653.
3. Ландер Ю.А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
4. Adger D., Ramchand G. Phases and interpretability // Proceedings of the 20th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by K. Megerdoomian, L.A. Bar-el. Somerville, 2001. P. 101–114.
5. Aldridge E. Internally headed relative clauses in Austronesian languages // Language and Linguistics. V. 5. 2004. № 1. P. 99–129.
6. Barker Chr., Hankamer J., Moore J. *Wa* and *Ga* in Turkish // Grammatical Relations: A Cross-Theoretical Perspective / Ed. by K. Dziwirek, P. Farrell, E. Mejias-Bikandi. Stanford (Cal.), 1990. P. 21–43.
7. Ceña R.M. Tagalog counterexamples to the Accessibility Hierarchy // Studies in Philippine Linguistics. V. 3. 1979. P. 119–124.
8. Chung S. Unbounded dependencies in Chamorro grammar // Linguistic Inquiry. V. 13. 1982. № 1. P. 39–77.
9. Chung S. Wh-agreement and “referentiality” in Chamorro // Linguistic Inquiry. V. 25. 1994. № 1. P. 1–44.
10. Chung S. The Design of Agreement: Evidence from Chamorro. Chicago, 1998.
11. Cole P., Hermon G. Subject and non-subject relativization in Indonesian // Journal of East Asian Linguistics. V. 14. 2005. P. 59–88.
12. Davis H. On the syntax and semantics of negation in Salish // International Journal of American Linguistics. V. 71. 2005. № 1. P. 1–55.
13. de Vries M. The Syntax of Relativization. Utrecht, 2002.
14. Donohue M., Maclachlan A. What agreement in Chamorro? // Toronto Working Papers in Linguistics. V. 16. 1999. № 2: Proceedings of AFLA VI. P. 121–132.
15. Georgopoulos C. Syntactic Variables: Resumptive Pronouns and A’Binding in Palauan. Dordrecht, 1991.

16. Gerassimova V., Sells P. Long-distance dependencies in Tagalog: The case for raising // Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. by C.B. Chang, H.J. Haynie. Somerville, MA, 2008. P. 190–198.
17. Gordon L. Maricopa Morphology and Syntax. Berkeley, Los Angeles, 1986.
18. Güngördü Z. Incremental constraint-based parsing: An efficient approach for head-final languages. Ph.D. dis. University of Edinburgh, 1997.
19. Haig G. Relative Constructions in Turkish. Wiesbaden, 1998.
20. Hawkins J.A. Processing complexity and filler-gap dependencies across grammars // Language. V. 75. 1999. № 2. P. 244–285.
21. Hawkins J.A. Efficiency and Complexity in Grammars. Oxford, 2004.
22. Hewitt B.G. The relative clause in Abkhaz (Abžui dialect) // Lingua. V. 47. 1979. P. 151–188.
23. Hewitt B.G. Abkhaz. Amsterdam, 1979.
24. Hewitt B.G. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin; NY, 1987.
25. Hiraiwa K. Relativization in Buli // Working Papers in Endangered and Less Familiar Languages. Vol. 4: Studies in Buli Grammar. 2003. P. 45–84.
26. Keenan E.L. Relative clause formation in Malagasy (and some related and some not so related languages) // The Chicago which Hunt / Ed. by P.M. Peranteau, J.N. Levi, G.C. Phares. Chicago, 1972. P. 169–189.
27. Keenan E.L. On semantically based grammar // Linguistic Inquiry. V. 3. 1972. № 4. P. 413–461.
28. Keenan E.L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // Linguistic Inquiry. V. 8. 1977. № 1. P. 63–99.
29. Kroeber P.D. Relativization in Thompson River Salish // Anthropological Linguistics. V. 39. 1997. № 3. P. 376–422.
30. Kroeger P. Phrase Structure and Grammatical Relations in Tagalog. Stanford, CA, 1993.
31. Kuno S. The Structure of the Japanese Language. Cambridge, MA, 1973.
32. Lander Yu. Remarks on relativization in western Austronesian. Paper presented at Conférence sur les langues d'Asie du Sud-Est, Université Paris Diderot / INALCO, Paris, 17 December 2009.
33. Lehmann Chr. Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen. Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984.
34. Liao H.-C. The Noun Phrase Accessibility Hierarchy revisited: A view from ergative languages // University of Hawai'i Working Papers in Linguistics. V. 31. 2000. P. 121–142.
35. Lichtenberk F. A Grammar of Toqabaqita. 2 v. Berlin; N.Y., 2008.
36. Matsumoto Y. Noun-Modifying Construtions in Japanese: A Frame Semantic Approach. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
37. Prince E. Syntax and discourse: A look at resumptive pronouns // Proceedings of the 16th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1990. P. 482–497.
38. Rackowski A., Richards N. Phase edge and extraction: a Tagalog case study // Linguistic Inquiry. V. 36. 2005. № 4. P. 565–599.
39. Schippers A. On the (un)availability of long-distance movement // Movement and Clitics: Adult and Child Grammar / Ed. by V. Torrens, L. Escobar, A. Gavarró, J.G. Mangado. Newcastle upon Tyne, 2010. P. 39–62.

Барышева Светлана Фридриховна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: barysheva1105@rambler.ru.

Веремьева Кристина Михайловна – аспирант кафедры перевода и переводоведения МГГУ им. М.А. Шолохова; учитель английского языка, средняя образовательная школа № 89 им. А.П. Маресьева. E-mail: kris_veremieva@mail.ru.

Ерофеева Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: elanter0701@yandex.ru.

Калякин Анатолий Серафимович – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой теории и практики межкультурной коммуникации, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: latael@mail.ru.

Кузнецова Анна Николаевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры педагогического образования, Национальный институт им. Екатерины Великой (г. Москва). E-mail: ann36727000@yandex.ru.

Кузьмина Марина Андреевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный университет геодезии и картографии. E-mail: mkuzmina@mail.ru.

Ландер Юрий Александрович – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения РАН; доцент факультета филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: yulander@yandex.ru.

Рудковская Александра Витальевна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры перевода и переводоведения, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: luxuryy@yandex.ru.

Себрюк Анна Набиевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna1804@mail.ru.

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи, Институт языкознания РАН. E-mail: kjseagal@yandex.ru.

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: smirnovanv@yandex.ru.

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук; доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина. E-mail: inyazmgua@mail.ru.

Lavine James E. – Ph.D. Princeton University; Professor of Linguistics, Ruth Everett Sierzega Chair in Linguistics, Director, Linguistics Program; Bucknell University, Pennsylvania. E-mail: jlavine@bucknell.edu.

S. Barysheva
Phonostylistical potential of the segmental sound unit

The paper describes the phonostylistical segmental resources and their functions in two different speech areas: common speech (unprepared) and artistic speech (prepared). The classification of sound variants and modifications with phonostylistical potential is presented. The functions of these units in common speech and in two types of artistic speech (theatrical speech and recitation) are described.

Key words: phonostylistics, sound variants and modifications, common and artistic speech.

E. Erofeeva
Paradigmatic and syntagmatic potential
of non-process attributive phraseological units

The article discusses the morphological and syntactic potential of non-process attributive phraseological units while focusing on their semantic parameters. The main types of morphological phraseological paradigms are presented in their decreasing order on a unified scale. The cases of obligatory and optional distribution of such phraseological units are analyzed.

Key words: non-process attributive phraseological unit, morphologic phraseological paradigm, syntagmatics.

A. Kalyakin
Model of foreign language training of students majoring
in Tourism

The article discusses conceptual positions of foreign language training of the students of Sholokhov Moscow State University for the Humanities studying "Tourism" and gives the description of the linguistic educational model in the context of the basic professional training.

Key words: the foreign language training model, communicative competence, interpreter's competence, professionally oriented translation, tourism activities, competence model of graduates.

L. Kasperova

Lexical Semantic Analysis of keywords «blind» and «musician» in the novel by Vladimir G. Korolenko «The Blind Musician»

The article is focused on the peculiarities of the key words «blind» and «musician» in the novel by Vladimir G. Korolenko «Blind Musician» (Slepoi Muzykant). It comprises the analysis of the semantic structure of the keywords (Lexical Grammatical Semantic Field (LGSF) – in the terminology of Elena I. Dibrova) «Blind» and «Musician» and the specificity of the informative elements of the studied keywords in the text.

Key words: semantic dominant, keyword, the lexical semantic structure of the keyword, lexical grammatical and semantic field, the novel by Vladimir G. Korolenko «Blind Musician» (Slepoi Muzykant).

A. Kuznetsova

The etymological aspect of linguistic-cultural analysis of phraseological units

The article gives the description of the etymological aspect of linguistic-cultural analysis of phraseological units as a means of identifying features of national mentality. The article deals with the phraseological units which are components of the phraseo-semantic field "Work". The article presents an attempt to analyze some features of phraseology appearance in the English language.

Key words: phraseological unit, etymology, linguistic-cultural analysis.

M. Kuzmina

Role of address in the realization of the functional semantic dependence

In the article address is considered as a speech element which takes part in the realization of the functional semantic dependence in different types of speech situations, especially microthematic and textological. The article presents the description of the transformation of address forms within the examples chosen by the author. The article also examines the quantitative share of the emotionality which is introduced in the space of the dialogue by

address forms and the influence of this process on the semantic aspect of the communicative act.

Key words: address, functional semantic dependence, vocative sentence, speech situation, communicative space.

Yu. Lander

An essay in typology of long-distance relativization

The paper summarizes data on long-distance relative constructions which involve relativization out of a complement clause in various languages and proposes their typology of this kind of patterns. As it is shown the constructions under discussion may (but need not) presume some constraints on morphosyntax of a complement clause or its matrix clause as well as the change in syntactic relations between more embedded clauses and less embedded clauses.

Key words: complex sentences, relative constructions, long-distance relativization.

J. Lavine

Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic

This paper extends previous work on Transitive Impersonals in Russian and Ukrainian to two constructions with similar properties in Icelandic: the Fate Accusative and New Passive. It is argued that the appearance of accusative in the absence of a nominative-marked NP or Agent occurs on a particular configuration of v-type heads, namely when the transitivity feature (Cause) appears structurally distinct from the head responsible for projecting the external argument (Voice). The Cause head, an accusative "probe," is thereby potentially active in the absence of an Agent, so long as the predicate is causative.

Key words: Event Structure, Fate Accusative, New Passive, Transitive Impersonal, v-type heads, voice, cause, Natural Force, split-vP, Accusative survival.

A. Rudkovskaya

Psychocognitive skills development in consecutive interpreter training

The paper addresses difficulties confronting students in the process of consecutive interpreting. They are determined by cognitive phenomena which

involve operative memory, refocusing, mechanism of switching from one language to another. The author proposes some exercises which upgrade professional interpreting competences, abilities and skills. The experiment which was conducted at Sholokhov Moscow State University for the Humanities corroborated their effectiveness.

Key words: development, cognitive mechanisms, switching from one language to another, interpreting competences, operative memory.

K. Seagal

On the innovation of the XXth century in the set of Russian coordinating conjunctions

In the article the function of Russian homolexeme *плюс* 'plus' as a coordinating conjunction is testified. Moreover, the factors, which hinder it to become a coordinator of full value (like *и* 'and'), are stated here.

Key words: coordinating conjunction, prototypical properties of word, semantics of syntactic words.

A. Sebryuk

The peculiarities of unofficial proper names in African-American ethnic community

On the example of unofficial proper names the author considers the problem of correlation between language and culture. African-American nicknames reflect the history, lifestyle and mentality of this ethnic group. The analysis of them helps to understand the culture of the USA more profoundly.

Key words: anthroponomical categories, Afro-American culture, naming, unofficial proper names, nicknames.

N. Smirnova

Split reference mechanisms (on the example of V. Nabokov's stories)

Split reference is regarded as a distinguishing feature of the neoclassic narration. In the context of Vladimir Nabokov's stories the following split reference methods are analyzed: text content alogism, deictic opposition semantization, spreading of epistemic modality features, introduction of the creative author to the text.

Key words: split reference, fictional text universum, deictic oppositions, epistemic modality.

G. Sorokina

Buddhistic connotations in the novel "Laura and her original" by V. Nabokov

The article is devoted to the analysis of all the examples of Buddhistic connotations in unfinished novel by V. Nabokov "Laura and Her Original".

Key words: Nabokov, novel "Laura and Her Original", Buddhistic connotations in Nabokov's works.

K. Veremyeva

Toponyms as one of the spatial indicators in the English language

The article deals with the meaning of spatial indicators in English. Being one of the forms of matter existence space cannot find its isolated and multilevel-fixed place in the language. Special attention is given to hydrotoponyms.

Key words: spatial indicator, toponymy, toponym, hydrotoponym, vocabulary unit, proper noun, common noun, language inventory.

Памятка автору статьи, представленной для публикации в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А. Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

– ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
– библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна, заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
Ю. Н. Толутанова
Обложка, макет
М.В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2014.2

Электронная версия журнала: www.mgopu.ru

Сдано в набор 10.06.2014 г.
Подписано в печать 17.06.2014 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,9 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.